

ПОДВИГ АКТРИСЫ

ская — свободно, естественно, до самой последней слезинки пропуская через себя все горе и

все слезы Толгонай.

И такова очищающая сила искусства: этот глубоко трагедийный спектакль не вызывает уныния и размягчающей жалости. Он возбуждает праведный гнев против кровавой войны. Он заставляет верить во всепобеждающую силу жизни.

Можно еще многое сказать о великолепной работе Г. Рыжковой в роли Алиман, и о тонком, лаконичном, словном графическом оформлении спектакля художниками С. Ишеновым и М. Куниным, и, конечно, о том, что с новой силой раскрылось в «Материнском поле» поэтическое дарование режиссера Бориса Львова-Анохина... Но главное сказано. На сцене торжествует подвиг киргизской женщины Толгонай, слившийся с подвигом актрисы Любови Ивановны Добжанской.

Б. ЕВСЕЕВ.

с успехом поставил поэму Байрона «Дон-Жуан», не прибегая к помощи инсценировщиков. Поставил по подлинному байроновскому тексту. Он же осуществляет сейчас перенос на сцену «Евгения Онегина».

А в Москве молодой режиссер Яков Губенко таким же образом поставил

«Большую руду» Г. Владимова. Взял журнал, где напечатана повесть, и вдумчиво заметил сокращения текста. Вот и все. Так по журналу и играли. А спектакль был горячо принят зрителями.

Впрочем, считать эти опыты такими уж новаторскими, не имеющими предшественников, не стоит. Ведь еще пятьдесят с лишним лет назад Художественный театр поставил «Братьев Карамазовых» именно как «страницы из романа», стремясь ницде не отходить от подлинного текста Достоевского.

Может быть, в этом вся «соль»? Не гнаться за «спецификой»: в спектакле, мол, непременно должны быть увлекательная интрига, острый сюжет, он не терпит длинных бездейственных монологов и т. д. А постараться как можно более бережно перенести на сцену талантливейшее произведение литературы таким, как оно есть, со всеми его неповторимыми особенностями?

Еще один опыт в этом направлении — постановка Борисом Львовым-Анохиным «Материнского поля» Чингиза Айтматова в театре имени Станиславского.

Повесть эта — хочется назвать ее стихотворением в прозе — написана от первого лица. Это огромный монолог старой киргизской женщины Толгонай. Она разговаривает с родным полем, и в

памяти ее возникают картины прошлого.

Так и осталось в спектакле. С первого мгновения до последнего со сцены не уходят две женщины — Мать и Земля. Только вторая — в тени. Она лишь слушает и редко вступает в действие. А первая... Первая открывает нам свое израненное сердце. Смотрите, вот она, человеческая жизнь. Ни о чем не умалчивает Толгонай, ничего не приукрашивает. Правда и только правда. Иной раз такая горькая, что еле удерживаешь слезы.

Жизнью Толгонай живет в спектакле Любовь Ивановна Добжанская.

В афишах рядом с ее фамилией и званием в скобках указано: актриса ЦТСА.

Не правда ли, нам, зрителям, да, наверное, и режиссерам иногда на спектаклях приходилось вздыхать: вот если бы в главной роли выступил Астангов! Или Степа-

нова. Или Табаков. Увы, все они работают в других театрах... Препятствие непреодолимое? Но если знаешь, что это — твоя роль, что сыграть ее — твой долг актера и человека?

Добжанская сыграла Толгонай. В другом театре. И сыграла так, что стало ясно: во имя истинно большой цели в искусстве надо преодолевать все преграды и препоны — ведомственные, бытовые, какие угодно!

К простой и негромкой жизни киргизской колхозницы Толгонай хочется отнести громкое слово подвиг. Но с полным правом нравственным подвигом можно назвать и то, что сделала Любовь Ивановна Добжанская.

Как играет Добжанская? Писать об этом, используя привычные рецензентские эпитеты, кажется просто кощунственным. Как цветут деревья? Как течет река? Вот так живет на сцене Добжан-

13 МАЯ 1984

«МОСКОВСКИЙ КОММУНИСТ»
МОСКВА